

МИРОНОВ Б.Н. СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ ПЕРИОДА ИМПЕРИИ (XVIII — НАЧАЛО XX В.). ГЕНЕЗИС ЛИЧНОСТИ, ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ СЕМЬИ, ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА (СПб., 1999. Т. 1—2)

«Социальная история России периода империи» — особенное событие даже по сравнению с предыдущими, не менее интересными, работами Б.Н. Миронова, настолько ее отличают комплексность, широта охвата проблем, новизна и оригинальность в их постановке и решении, полемический настрой.

Исследование базируется на следующих принципах: социальная история как предметная область изучения, охватывающая различные аспекты истории — собственно социальные, экономические, культурные, политические («история всеобъемлющая, но рассмотренная под социальным углом зрения»); изучение исторических событий в перспективе длинной, средней и короткой темпоральности с акцентированием внимания на первые две; критическое отношение к традиционному понятийному аппарату отечественной историографии, сформировавшемуся в советский период, активное использование инструментария и методологических подходов современной мировой социальной науки; видение российского исторического процесса как нормального («Россия — не ехидна в ряду европейских народов, а нормальная страна, в истории которой трагедий, драм и противоречий нисколько не меньше, чем в истории любого другого европейского государства»).

Автор проанализировал влияние природно-климатических условий и территориальной экспансии на социальное и экономическое развитие России, эволюцию социальной структуры, динамику демографических процессов, эволюцию моделей семьи и внутрисемейных отношений, динамику крепостнических отношений, развитие социальных организаций, эволюцию правовых отношений, модификацию типов государственности в России с конца XVII в. до 1917 г. (заметим, что каждый из указанных вопросов заслуживает монографического изучения).

При этом Б.Н. Миронов пришел к следующим основным выводам.

1. Территориальная экспансия России в изучаемый период объясняется им с помощью геополитических соображений, стремления приобрести новые источники сырья и рынки сбыта, относительного аграрного перенаселения в Центре страны, схожести районов вселения и выселения в географическом плане, наличия в массовом сознании *миграционной парадигмы*, которая обеспечивала психологическую готовность к переселениям. Национальная политика, проводившаяся в рамках сформировавшегося в результате территориальной экспансии многонационального государства, строилась, по мнению Б.Н. Миронова, на основе принципов уважения статус-кво, широкого сотрудничества центрального правительства с нерусскими элитами, создания некоторых правовых преимуществ для нерусских в сравнении с русскими, игнорирования этнонаци-

ональных критериев при прохождении по социальной лестнице. Б.Н. Мионов не склонен идеализировать этнонациональные взаимоотношения в Российской империи, тем не менее, как он считает, в целом они развивались в русле «партнерства и добрососедства». В исследовании «Социальная история России» дается сбалансированная оценка результатов территориальной экспансии России. Автор отмечает как положительные, так и отрицательные последствия этого процесса. К первым, по мнению историка, можно отнести увеличение экономического потенциала страны, позитивное влияние на общественное и социально-экономическое устройство России более развитых западных областей. Формирование представления об экстенсивном развитии как приоритетном, торможение процесса формирования хорошо структурированной системы городов, ограниченные возможности в области создания инфраструктуры, адекватной потребностям страны, блокирование развития единой российской нации — все это Б.Н. Мионов относит к отрицательным последствиям территориальной экспансии. При этом исследователь призывает не ограничиваться формальным сопоставлением плюсов и минусов «специфически» российского пути развития. Как он считает, экстенсивный путь развития был неизбежным и оптимальным в природно-климатических условиях России. Убедительным представляется вывод Б.Н. Мионова о сложном и многоплановом характере взаимодействий между географическими и демографическими процессами, с одной стороны, и социально-экономическим и политическим развитием страны, с другой стороны.

2. Анализируя эволюцию социальной структуры, Б.Н. Мионов приходит к выводу, что с конца XVII в. до 1917 г. она отражала первоначально движение от бессословного (Московское государство XVI — первой половины XVII в.) к сословному (XVIII — первая половина XIX в.), а от последнего к классовому обществу (на протяжении второй половины XIX — начала XX вв.). Кульминацией в развитии сословного строя в России рассматривается конец XVIII — первая половина XIX в., когда «в основном, хотя и с некоторыми особенностями сравнительно с западноевропейскими странами, сформировались сословия, которые обладали главными признаками истинного сословия». При этом отмечается асинхронность в оформлении различных сословий: дворянство в наибольшей степени приблизилось к идеальному типу сословия, а крестьянство — в наименьшей. Однако, уже реформы 1860-х гг. нанесли удар по сословному строю, который, по мнению исследователя, к 1917 г. потерял юридическое значение. Тем не менее, сословная парадигма продолжала сохраняться в массовом сознании, что, считает Б.Н. Мионов, существенно затрудняло формирование единой российской нации и полноценного гражданского общества в стране.

3. Исследование динамики демографических процессов приводит автора к выводу о том, что она имела направленность от традиционной модели воспроизводства населения к рациональной, современной; при этом данный процесс, по мнению Б.Н. Мионова, завершился в Европейской России лишь в 1960-е гг. Что же касается развития семьи и внутрисемейных отношений, то существо его состояло в переходе от составной к малой семье, от авторитарно-патриархальных к демократическим отношениям. Гуманизация и демократизация внутрисемейных отношений — в разной степени для различных социально-сословных групп —

приобрела более заметные очертания в пореформенный период; однако, кардинальных перемен в данной области, видимо, не произошло до 1917 г. Заслуживает внимания взаимосвязь между замедленностью демократизации внутрисемейных отношений и сохранением монархической парадигмы в общественном сознании, на которую указывает исследователь.

4. Под новым углом зрения в монографии Б.Н. Миронова рассмотрена проблема эволюции «сельско-городского континуума». Автор предложил в сопоставлении проанализировать развитие города и деревни, которые традиционно в отечественной историографии рассматривались раздельно. Новаторский подход позволил сделать интересные наблюдения. В частности, Б.Н. Миронов выделил несколько этапов в эволюции города и деревни: 1) до середины XVII в., когда они представляли единое административное, социально-экономическое и культурное пространство (период слитности); 2) середина XVII — 1860-е гг., когда происходило отделение города от деревни, достигшее апогея с конца XVIII до середины следующего столетия (период дифференциации); 3) 1860-е — 1917 г., период, когда процессы дифференциации сменились тенденцией к интеграции города и деревни. Подчеркивая постоянный характер взаимодействия между городом и деревней, Б.Н. Миронов выявляет смену исторических акцентов в этом процессе. В частности, он подчеркивает рост влияния деревни на культуру и менталитет горожан в пореформенный период, связывая его с интенсификацией в данный период крестьянских миграций в город. Именно данный фактор (реанимация в среде горожан стандартов крестьянского сознания в результате их окрестьянивания), по мнению Б.Н. Миронова, помогает объяснить успехи социал-демократической пропаганды среди рабочих и рост социальной напряженности в стране, приведший к трем революциям в 1905—1917 гг.

5. Одной из ключевых проблем отечественной истории является вопрос о крепостном праве, его причинах, характере, степени распространения. Б.Н. Миронову удалось предложить собственную оригинальную трактовку этого вопроса. По мнению исследователя, крепостничество следует рассматривать дифференцированно: государственное, корпоративное и частное крепостничество — в зависимости от того, кто являлся субъектом крепостнических отношений. Подобное положение, правда, вызывает определенные методологические затруднения, которые Б.Н. Миронов обходит: дело в том, что принуждение, доминирование и разные формы зависимости — «в крови» любого надындивидуального образования, как то, например, государства или корпорации; между тем, вопрос о степени (критерии) принуждения, которая обеспечивала бы социальным отношениям ярылык «крепостнические» в монографии не обсуждается. Б.Н. Миронов доказывает, что крепостное хозяйство в XVIII — первой половине XIX вв. приносило прибыль, было доходно, что, следовательно, не экономический кризис (как утверждалось в советской историографии, «кризис и разложение» феодально-крепостной системы) привел к отмене крепостного права. (Здесь уместно вспомнить знаменитую книгу Р. Фогеля и С. Энгермана, в которой утверждалось, что рабовладельческий Юг динамично развивался накануне Гражданской войны в США.) Парадоксально звучит вывод автора о более эффективном функционировании крестьянского хозяйства в крепостническом, нежели свободном, формате. Б.Н. Миронов объясняет данное обстоятельство не-

достаточной подготовленностью крестьянина к эффективной самостоятельной предпринимательской деятельности. В таких условиях понукание, внеэкономическое принуждение, как считает исследователь, обеспечивали более высокую результативность крепостного труда по сравнению с трудом тех категорий крестьян, которым была предоставлена экономическая свобода. В целом следует согласиться с мнением, высказанным в книге, о том, что «эффективность ... различных типов управления ... относительна не только в экономической, но и в политической жизни и зависит от времени, места, обстоятельств и сферы приложения». Динамика развития крепостничества выражалась в его укреплении до первой четверти XVIII в. (а для крестьянства — до конца XVIII в.), а затем — распаде, который в основном завершается в начале XX в. Реконструируя общую динамику эволюции крепостничества, Б.Н. Миронов в значительной степени следует, развивая их, за дореволюционной отечественной, а также современной западной историографическими традициями. При этом автор стремится учесть как можно больше факторов, оказывавших воздействие на развитие крепостничества (например, признавая важную роль государства в организации «раскрепощения» общества, он, в то же время, подчеркивает роль последнего, т. е. самого общества, его борьбу, разнообразные инициативы, в этом процессе).

6. Основным содержанием развития социальных организаций — сельских и городских общин, корпораций, — как считает исследователь, была трансформация общины в общество (в данном плане концепция Б.Н. Миронова близка схеме перехода от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft* немецкого социолога рубежа XIX—XX вв. Ф. Тённиса). Большой интерес представляет реконструкция данного процесса применительно к различным сословиям российского общества, переживавшим рационализацию (модернизацию) социальных отношений не синхронно.

7. Эволюции «надстроечных» компонентов российского общества посвящен 2-й том монографии Б.Н. Миронова (эволюция правовых отношений, типов государственности и моделей взаимодействия государства и общества), в котором утверждается мысль о поступательном характере их динамик (формирование единого правового пространства, переход от народной монархии XVII в. к более рациональному и модернизированному правовому государству, от общества как объекта управления к обществу как субъекту управления).

В целом в исследовании Б.Н. Миронова дана широкая панорама социальной жизни России конца (во многих случаях автор делает экскурсы и в более ранние периоды отечественной истории) XVII — начала XX в. (в заключении автор оценивает итоги социального развития России в императорский период и очерчивает пунктиром путь советской модернизации). По существу, данная монография — огромный компендиум знаний и познавательных инструментов. Исследование Б.Н. Миронова будит мысль, заставляет думать.

Доминирующая идея монографии — Россия развивалась нормально и поступательно, она не являлась исключением из правил, — аргументируется практически на всем протяжении исследования, в различных ракурсах, на разных материалах. Б.Н. Миронову удалось, как мне кажется, убедительно пересмотреть многие устоявшиеся в историографии стереотипы. Это касается, в частности, вопросов о роли и месте государства и бюрократии в организации

исторического процесса, влиянии на последний национального менталитета, ценностных установок, значения мобилизации внутренних ресурсов семьи в обеспечении советской модернизации и т.д.

Чрезвычайно интересны наблюдения автора по поводу общего хода развития России в контексте мировой истории (Россия — молодой исторической организм, то, чем был Запад несколько столетий ранее; в связи с этим, по мнению Б.Н. Миронова, не имеют большого научного смысла рассуждения об особости и уникальности пути России). Думается, что этот тезис действительно интересен и перспективен и его можно развивать и дальше. Однако, на историческую ситуацию можно смотреть, как мне кажется, с разных точек зрения. Действительно в XVIII—XIX вв. Россия была исторически относительно молодым обществом. Действительно, она стремилась быстрее повзрослеть и использовала в этих целях механизмы диффузии и западные институты и ценности в качестве образцов для подражания (в этом плане страна не была оригинальной; по крайней мере с конца XIX в. диффузия вообще, вероятно, становится ведущим двигателем мирового прогресса, в определенном смысле стимулирующим процессы конвергенции). Но сопровождалась ли эта диффузия «стиранием» старых институтов и ценностей и заменой их новыми? Думается, нет. Скорее, происходило сложное взаимодействие между «традиционным» и «современным», которое сопровождалось трансформацией содержания того и другого, перестановкой акцентов в том и другом (в этом, кстати, убеждает и материал монографии). Могла ли возникавшая в результате этого амальгама «старого» и «нового» стать элементарной калькой с того, чем было, например, современное европейское сообщество? Не уверен. Вообще, может ли общество, которое находится не в вакууме, а в конкретном историческом контексте, который, в свою очередь, оказывает на него свое постоянное воздействие (через конъюнктуру мирового рынка, структуру «мировой системы», конкуренцию в области военных, политических, социокультурных технологий и т.д.), элементарно повторить чей-то исторический путь? Данный вопрос — одно из последствий прочтения монографии Б.Н. Миронова.

Данная книга — весьма крупное и значимое явление в современной историографии истории России XVII—XX вв. Думается, что исследование Б.Н. Миронова окажет большое влияние на всю последующую историографию истории России, на сообщество историков, социальных ученых, гуманитариев. Книга богата иллюстрирована, содержит в качестве приложений Хронологию основных событий социальной истории России, Библиографию, Статистическое приложение «Россия и великие державы в XIX—XX вв.».

И.В. Побережников